

ВЕНОК ПУШКИНУ

М. К. Аникушин
Памятник А. С. Пушкину в Санкт-Петербурге. 1950 г.

Ежегодно 6 июня в день рождения Александра Сергеевича Пушкина – русского поэта, прозаика, драматурга, основоположника русского литературного слова - в нашей стране отмечается Пушкинский день, известный также как День русского языка. В этот день принято вспоминать поэта, читать его бессмертные стихи, вдохновляясь ими, и отдавать дань его таланту.

Библиотека Профессионально-педагогического колледжа СГТУ имени Гагарина Ю.А. подготовила выставку «Венок Пушкину», на которой представлены работы русских писателей, поэтов, художников, посвященные жизни и творчеству великого поэта.

У каждого - свой Пушкин, но для каждого: Пушкин - гений вне времени.

О. А. Кипренский
А. С. Пушкин. 1827 г.

ОБРАЗ ПОЭТА В РАБОТАХ ХУДОЖНИКОВ

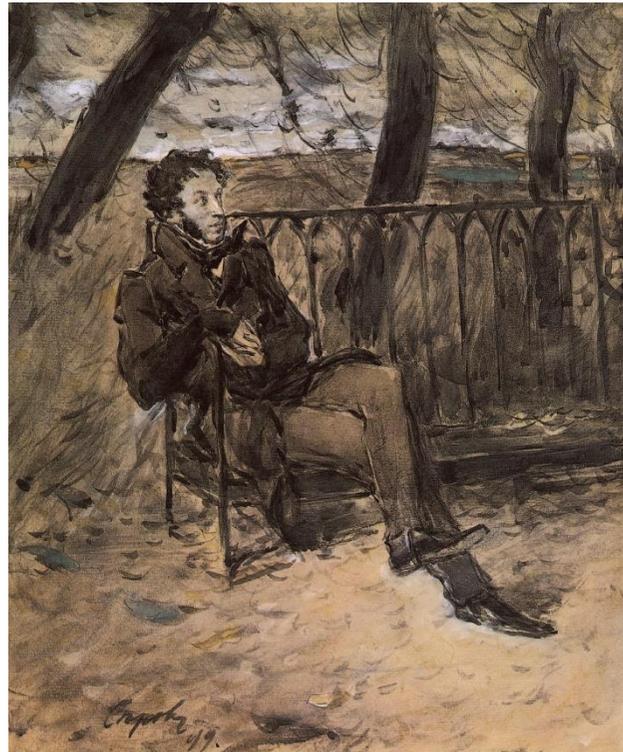
А. С. Пушкин в изобразительном искусстве :
Альбом репродукций / Сост. и вступ. статья Э.
Гальпериной. – Москва : Изогиз, 1961. – 16 с.,
58 л. ил. – Текст : непосредственный.

П. П. Кончаловский
А. С. Пушкин. 1932-1949 гг.

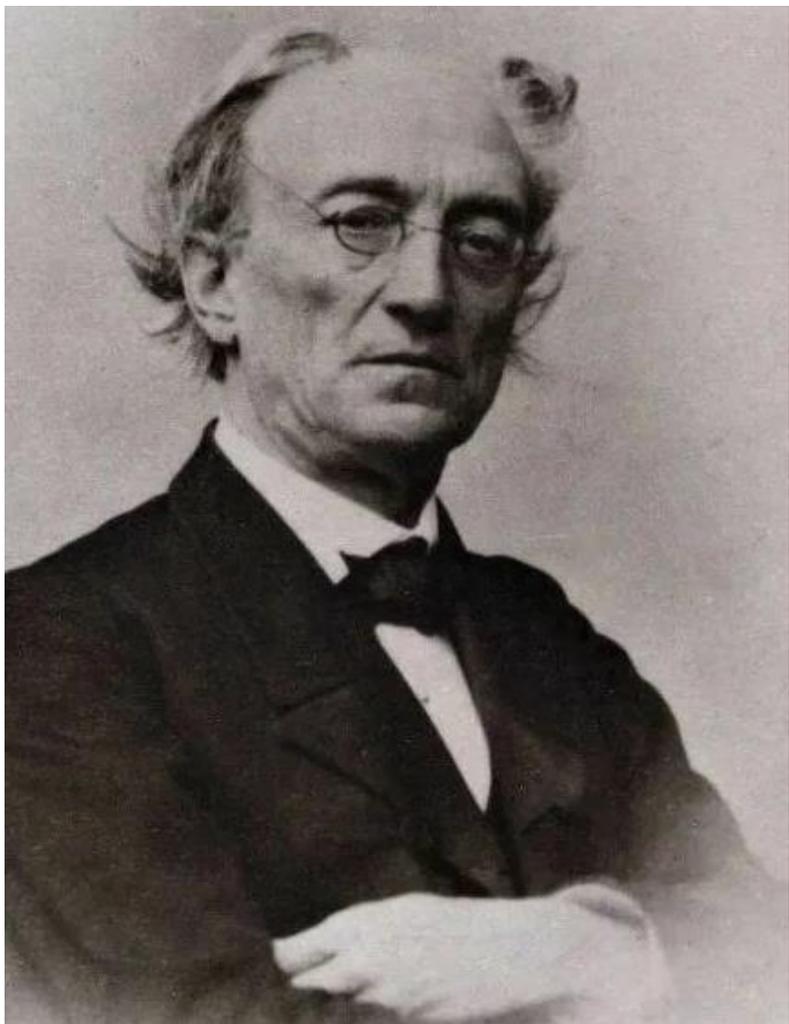
И. Е. Репин, И. К. Айвазовский
Пушкин у моря. 1887 г.

В. А. Серов
Пушкин в парке. 1899 г.

И. Е. Репин
Пушкин на лицейском экзамене. 1911 г.

Федор Иванович
ТЮТЧЕВ

К оде Пушкина на вольность

Огнем свободы пламенея
И заглушая звук цепей,
Проснулся в лире дух Алцея —
И рабства пыль слетела с ней.
От лиры искры побежали
И вседробящею струей,
Как пламень Божий, ниспадали
На чела бедные царей.

Счастлив, кто гласом твердым, смелым,
Забыв их сан, забыв их трон,
Вещать тиранам закоснелым
Святые истины рожден!
И ты великим сим уделом,
О муз питомец, награжден!

Воспой и силой сладкогласья
Разнежь, растрогай, преврати
Друзей холодных самовластья
В друзей добра и красоты!
Но граждан не смущай покою
И блеска не мрачи венца,
Певец! Под царскою парчою
Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!

[1820]

А.С. Пушкину

Племянник и поэт! Позволь, чтоб дядя твой
На старости в стихах поговорил с тобой.
Хоть модный романтизм подчас я осуждаю,
Но истинный талант люблю и уважаю.
Послание твое к вельможе есть пример,
Что не забыт тобой затейливый Вольтер.
Ты остроумие и вкус его имеешь
И нравиться во всем читателю умеешь.
Пусть бесится, ворчит московский Лабомель:
Не оставляй свою прелестную свирель!
Пустые критики достоинств не умалят;
Жуковский, Дмитриев тебя и чтут и хвалят;
Крылов и Вяземский в числе твоих друзей;
Пиши и утешай их музою своею,
Наказывай глупцов, не говоря ни слова,
Печатай им назло скорее «Годунова».
Творения твои для них тяжелый бич,
Нибуром никогда не будет наш москвич,
И автор повести топорная работа
Не может, кажется, проситься в Вольтер Скотты.
Довольно и того, что журналист сухой
В журнале чтит себя романтиков главой.
Но полно! Что тебе парнасские пигмеи,
Нелепая их брань, придирки и затеи!
Счастливицу некогда смеяться даже им.
Благодаря судьбу, ты любишь и любим.
Венчанный розами ты грации рукою,
Вселенную забыл, к ней прилепясь душою.
Прелестный взор ее тебя животворит
И счастье прочное, и радости сулит.
Блаженствуй, но в часы свободы, вдохновенья
Беседуй с музами, пиши стихотворенья,
Словесность русскую, язык обогащай
И вечно с миртами ты лавры съединяй!
[1830]

Пушкин, В. Л. А. С. Пушкину / В. Л. Пушкин.- Текст : непосредственный // России
первая любовь : стихи. – Москва : Советский писатель, 1989. - С. 69-70.

Василий Львович
ПУШКИН

Николай Васильевич
ГОГОЛЬ

Несколько слов о Пушкине

При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более называться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нём, как будто в лексиконе, заключилось всё богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал всё пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет. В нём русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла.

<...>Он при самом начале своем уже был национален, потому что истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами. Если должно сказать о тех достоинствах, которые составляют принадлежность Пушкина, отличающую его от других поэтов, то они заключаются в чрезвычайной быстроте описания и в необыкновенном искусстве немногими чертами означить весь предмет. Его эпитет так отчетист и смел, что иногда один заменяет целое описание; кисть его летает. Его небольшая пьеса всегда стоит целой поэмы. Вряд ли о ком из поэтов можно сказать, чтобы у него в коротенькой пьесе вмещалось столько величия, простоты и силы, сколько у Пушкина.

<...> Сочинения Пушкина, где дышит у него русская природа, так же тихи и беспорывны, как русская природа. Их только может совершенно понимать тот, чья душа носит в себе чисто русские элементы, кому Россия родина, чья душа так нежно организована и развилась в чувствах, что способна понять неблестящие с виду русские песни и русский дух; потому что чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было, между прочим, совершенная истина.

[1834]

Гоголь, Н. В. О литературе : Избранные статьи и письма / Н. В. Гоголь - Москва : Гос. изд-во художественной литературы, 1952. - 332 с. - Текст : непосредственный.

На память

В края далекие, под небеса чужие
Хотите вы с собой на память перенести
О ближних, о стране родной живую весть,
Чтоб стих мой сердцу мог, в минуты неземные,
Как верный часовой, откликнуться: Россия!
Когда беда придет иль просто как-нибудь
Тоской по родине занует ваша грудь,
Не ждите от меня вы радостного слова;
Под свежим трауром печального покрова,
Сложив с главы своей венок блестящих роз,
От речи радостной, от песни вдохновенной
Отвыкла муза: ей над урной драгоценной
Отныне суждено быть музой вечных слез.
Одною думою, одним событием полный,
Когда на чуждый брег вас переносит волны
И звуки родины должны в последний раз
Печально врезаться и отозваться в вас,
На память и в завет о прошлом в мире новом
Я вас напутствую единым скорбным словом,
Затем, что скорбь моя превыше сил моих;
И, верный памятник сердечных слез и стона,
Вам затвердит одно рыдающий мой стих:
Что яркая звезда с родного небосклона
Внезапно сорвана среди бури роковой,
Что песни лучшие поэзии родной
Внезапно замерли на лире онемелой,
Что пал во всей поре красоты и славы зрелой
Наш лавр, наш вещий лавр, услада наших дней,
Который трепетом и сладкозвучным шумом
От сна воспрянувших пророческих ветвей
Вещал глагол богов на севере угрюмом,
Что навсегда умолк любимый наш поэт,
Что скорбь постигла нас, что Пушкина уж нет.

[1837]

Вяземский, П. А. Сочинения в двух томах. Т.1. : Стихотворения / П. А. Вяземский - Москва : Художественная литература, 1982. - 464 с. - Текст : непосредственный.

Пётр Андреевич
ВЯЗЕМСКИЙ

Михаил Юрьевич
ЛЕРМОНТОВ

Смерть поэта

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!
Убит!.. к чему теперь рыдания,
Пустых похвал ненужный хор
И жалкий лепет оправдания?
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь... - он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок.
Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?.. издалика,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..<...>

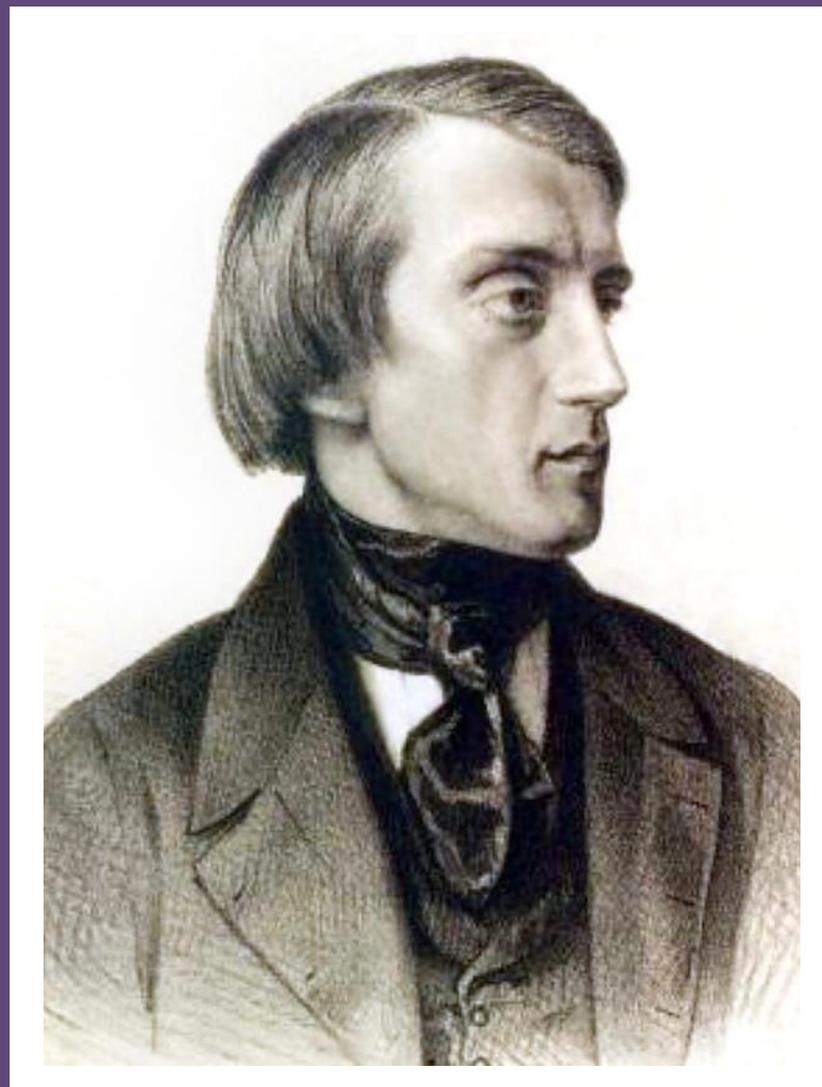
[1837]

Статья пятая

<...> Это стих, который дается талантом и вдохновением, а трудом только совершенствуется; стих, который, как тело человека, есть откровение, осуществление души — идеи, стих, которому нельзя выучиться, нельзя подражать, под который всякая подделка, как бы ни была она ловка и искусна, всегда будет мертва, относясь к нему, как искусно сделанная восковая статуя или автомат относится к живому человеку. И потому стих Пушкина, в самобытных его пьесах, вдруг как бы сделавший крутой поворот или резкий разрыв в истории русской поэзии, нарушивший предание, явивший собою что-то небывавшее, непохожее ни на что прежнее, — этот стих был представителем новой, дотоле небывалой поэзии. И что же это за стих! Античная пластика и строгая простота сочетались в нем с обаятельною игрою романтической рифмы; все акустическое богатство, вся сила русского языка явились в нем в удивительной полноте; он нежен, сладостен, мягок, как ропот волны, тягуч и густ, как смола, ярк, как молния, прозрачен и чист, как кристалл, душист и благовонен, как весна, крепок и могуч, как удар меча в руке богатыря. В нем и обольстительная, невыразимая прелесть и грация, в нем ослепительный блеск и кроткая влажность, в нем все богатство мелодии и гармонии языка и рифма, в нем вся нега, все упоение творческой мечты, поэтического выражения. Если б мы хотели охарактеризовать стих Пушкина одним словом, мы сказали бы, что это по превосходству *поэтический, художественный, артистический* стих, — и этим разгадали бы тайну пафоса всей поэзии Пушкина... <...>

[1844]

Белинский, В. Г. Сочинения Александра Пушкина / В. Г. Белинский - Москва : Гос. издат. детской лит-ры Мин-ва просвещ. РСФСР, 1961. — 496 с. - Текст : непосредственный.

Виссарион Григорьевич
БЕЛИНСКИЙ

Федор Михайлович
ДОСТОЕВСКИЙ

Пушкин

Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа, сказал Гоголь. Прибавлю от себя: и пророческое. Да, в появлении его заключается для всех нас, русских, нечто бесспорно пророческое. Пушкин как раз приходит в самом начале правильного самосознания нашего, едва лишь начавшегося и зародившегося в обществе нашем после целого столетия с петровской реформы, и появление его сильно способствует освещению темной дороги нашей новым направляющим светом. В этом-то смысле Пушкин есть пророчество и указание. ...

<...>Нет, положительно скажу, не было поэта с такою всемирною отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине ее, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении почти совершенном, а потому и чудесном, потому что нигде, ни в каком поэте целого мира такого явления не повторилось. Это только у Пушкина, и в этом смысле, повторяю, он явление невиданное и неслыханное, а по-нашему, и пророческое, ибо... ибо тут-то и выразилась наиболее его национальная русская сила, выразилась именно народность его поэзии, народность в дальнейшем своем развитии, народность нашего будущего, таящегося уже в настоящем, и выразилась пророчески. Ибо что такое сила духа русской народности, как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности? ...<...>

<...>Если бы жил он дольше, может быть явил бы бессмертные и великие образы души русской, уже понятные нашим европейским братьям, привлек бы их к нам гораздо более и ближе, чем теперь, может быть успел бы им разъяснить всю правду стремлений наших, и они уже более понимали бы нас, чем теперь, стали бы нас предугадывать, перестали бы на нас смотреть столь недоверчиво и высокомерно, как теперь еще смотрят. Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров, чем видим теперь. ...<...>

[1880]

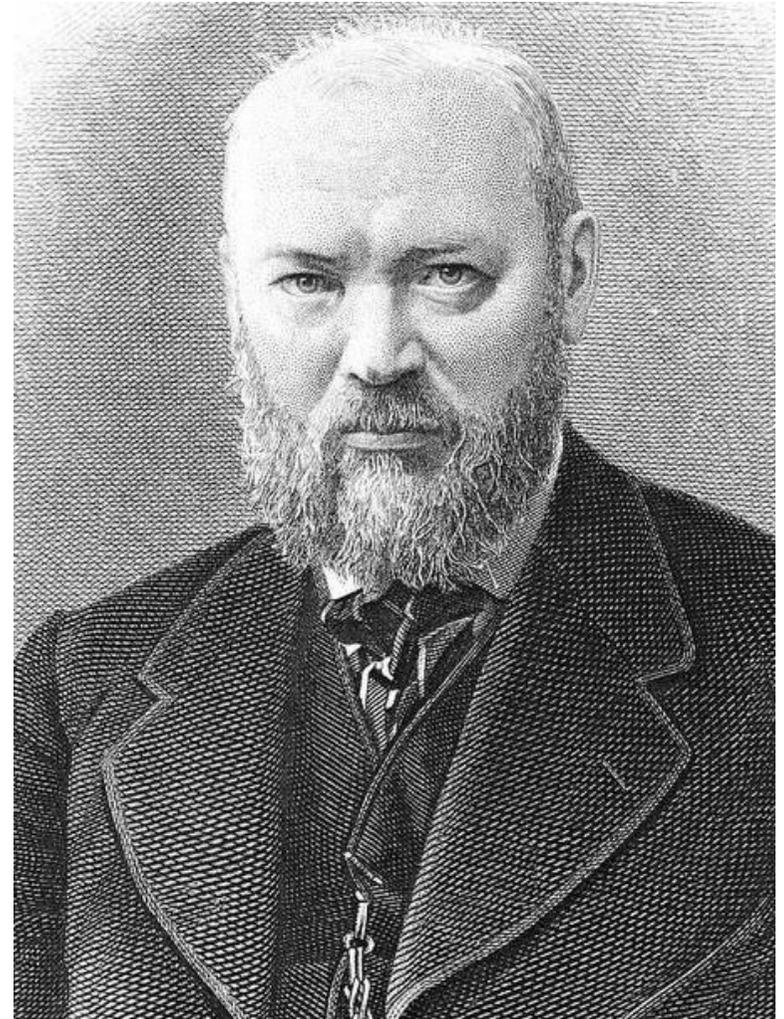
Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений в десяти томах. Т.10. : Братья Карамазовы Ч.IV. Эпилог; Произведения 1873-1880 / Ф. М. Достоевский - Москва : Гос. изд-во художественной литературы, 1958. – 624 с. - Текст : непосредственный.

Застольное слово о Пушкине

<...> Пушкиным восхищались и умнели, восхищаются и умнеют. Наша литература обязана ему своим умственным ростом. И этот рост был так велик, так быстр, что историческая последовательность в развитии литературы и общественного вкуса была как будто разрушена и связь с прошедшим разорвана. Этот прыжок был не так заметен при жизни Пушкина; современники хотя и считали его великим поэтом, считали своим учителем, но настоящими учителями их были люди предшествовавшего поколения, с которыми они были очень крепко связаны чувством безграничного уважения и благодарности. Как ни любили они Пушкина, но все-таки, в сравнении с старшими писателями, он казался им еще молод и не довольно солиден; признать его одного виновником быстрого поступательного движения русской литературы значило для них обидеть солидных и во многих отношениях действительно весьма почтенных людей. Все это понятно и иначе не могло быть. Зато следующее поколение, воспитанное исключительно Пушкиным, когда сознательно оглянулось назад, увидало, что предшественники его и многие его современники для них уж даже не прошедшее, а далекое давнопрошедшее. Вот когда заметно стало, что русская литература в одном человеке выросла на целое столетие. Пушкин застал русскую литературу в период ее молодости, когда она еще жила чужими образцами и по ним вырабатывала формы, лишенные живого, реального содержания, - и что же? Его произведения - уж не исторические оды, не плоды досуга, уединения или меланхолии; он кончил тем, что оставил сам образцы, равные образцам литератур зрелых, образцы, совершенные по форме и по самобытному, чисто народному содержанию. Он дал серьезность, поднял тон и значение литературы, воспитал вкус в публике, завоевал ее и подготовил для будущих литераторов, читателей и ценителей. <...>

[1880]

Островский, А. Н. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 10. «Записки замоскворецкого жителя». Критика. Статьи о театре. Записки. Речи. 1847-1886 / - Москва : Гос. изд-во художественной литературы, 1960. - 492 с. - Текст : непосредственный.

Александр Николаевич
ОСТРОВСКИЙ

Алексей Николаевич
ПЛЕЩЕЕВ

Памяти Пушкина

Мы чтить тебя привыкли с детских лет,
И дорог нам твой образ благородный;
Ты рано смолк; но в памяти народной
Ты не умрешь, возлюбленный поэт!

Бессмертен тот, чья муза до конца
Добру и красоте не изменяла,
Кто волновать умел людей сердца
И в них будить стремленье к идеалу;

Кто сердцем чист средь пошлости людской,
Средь лжи кто верен правде оставался
И кто берег ревниво светоч свой,
Когда на мир унылый мрак спускался.

И всё еще горит нам светоч тот,
Всё гений твой пути нам освещает;
Чтоб духом мы не пали средь невзгод,
О красоте и правде он вещает.

Все лучшие порывы посвятить
Отчизне ты зовешь нас из могилы;
В продажный век, век лжи и грубой силы
Зовешь добру и истине служить.

Вот почему, возлюбленный поэт,
Так дорог нам твой образ благородный;
Вот почему неизгладимый след
Тобой оставлен в памяти народной!

[1880]

А. С. Пушкин

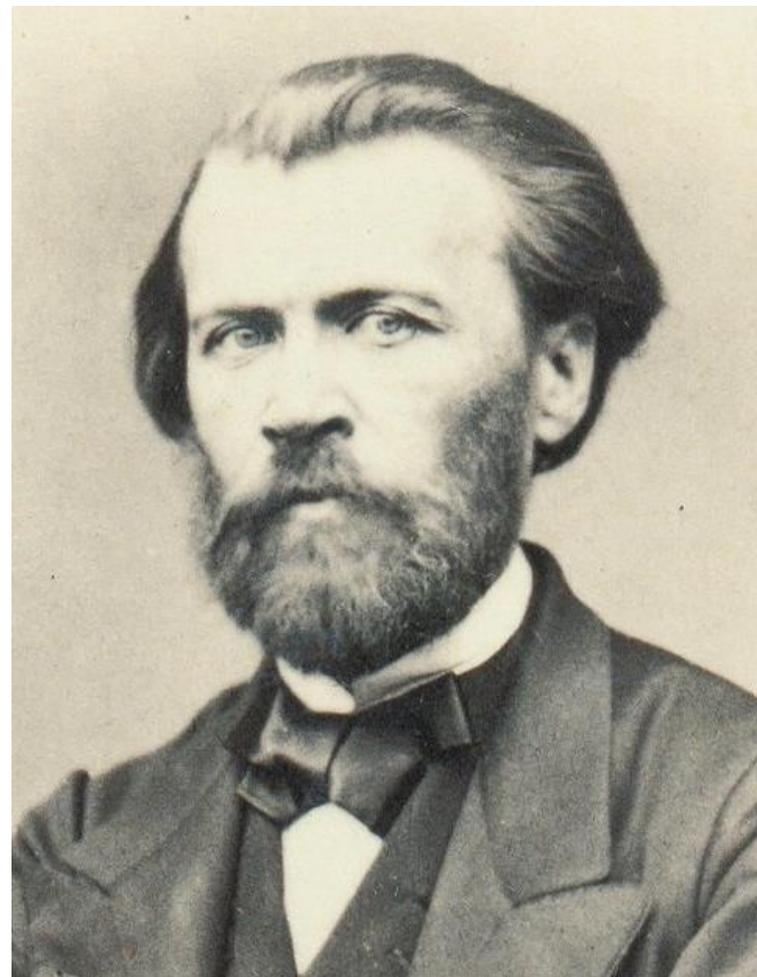
Пушкин - это возрожденье
Русской Музы, - воплощенье
Наших трезвых дум и чувств,
Это - незапечатленный
Ключ поэзии, священный
В светлой области искусств.

Это - эллинов стремленье
К красоте и лицемерье
Их божеств без покрывал,
Это - голос Немезиды,
Это девы Эвмениды
Окровавленный кинжал...

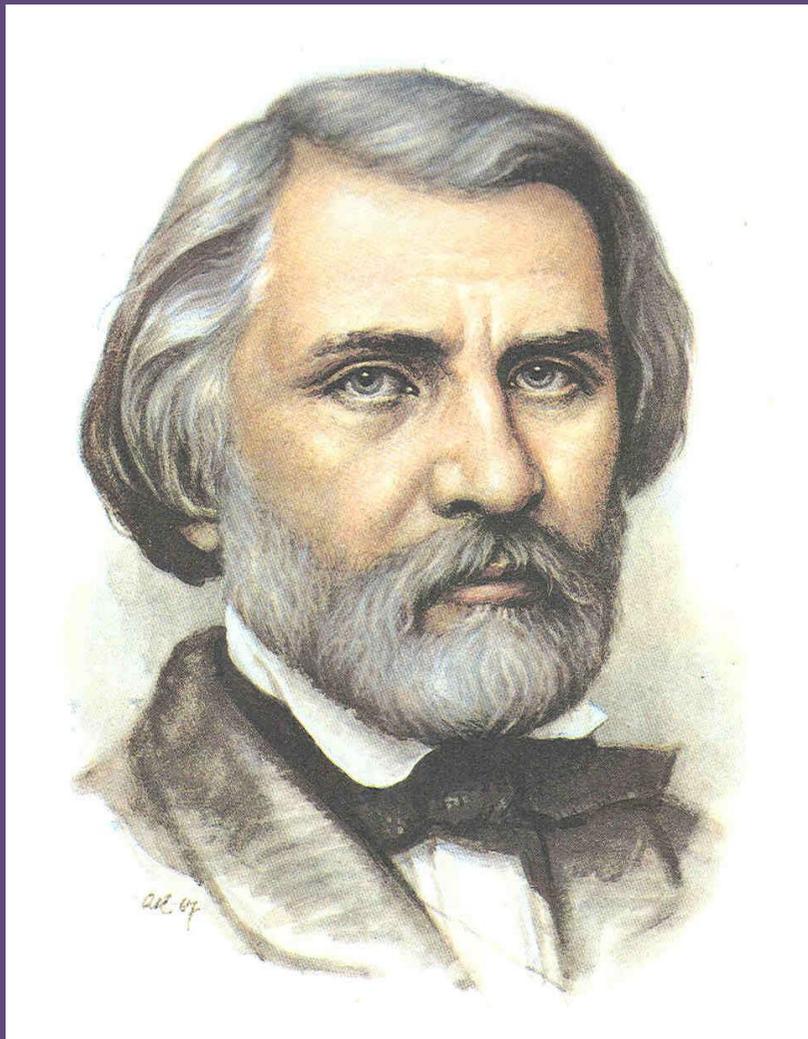
Это - вещего баяна
Струнный гонор... свист Руслана...
И русалок голоса...
Это - арфа Серафима,
В час, когда душа палима
Жаждой веры в небеса.

Это старой няни сказка,
Это молодости ласка,
Огонек в степной глуши...
Это - слезы умиленья...
Это - смутное влечение
Вечно жаждущей души...
<...>

[1880]

Яков Петрович
ПОЛОНСКИЙ

Иван Сергеевич
ТУРГЕНЕВ

Открытие памятника А. С. Пушкину в Москве

<...>...заслуги Пушкина перед Россией велики и достойны народной признательности. Он дал окончательную обработку нашему языку, который теперь по своему богатству, силе, логике и красоте формы признается даже иностранными филологами едва ли не первым после древнегреческого; он отозвался типическими образами, бессмертными звуками на все веяния русской жизни. Он первый наконец водрузил могучей рукою знамя поэзии глубоко в русскую землю; и если пыль поднявшейся после него битвы затемнила на время это светлое знамя, то теперь, когда эта пыль начинает опадать, снова засиял в вышине водруженный им победоносный стяг. Сияй же, как он, благородный медный лик, воздвигнутый в самом сердце древней столицы, и гласи грядущим поколениям о нашем праве называться великим народом потому, что среди этого народа родился, в ряду других великих, и *такой* человек! И как о Шекспире было сказано, что всякий, вновь выучившийся грамоте, неизбежно становится его новым чтецом — так и мы будем надеяться, что всякий наш потомок, с любовью остановившийся перед изваянием Пушкина и понимающий значение этой любви, тем самым докажет, что он, подобно Пушкину, стал более русским и более образованным, более свободным человеком! Пусть это последнее слово не удивит вас, мм. гг.! В поэзии — освободительная, ибо возвышающая, нравственная сила. Будем также надеяться, что в недалеком времени даже сыновьям нашего простого народа, который теперь не читает нашего поэта, станет понятно, что значит это имя: Пушкин! — и что они повторят уже сознательно то, что нам довелось недавно слышать из бессознательно лепечущих уст: «Это памятник — учителю!»<...>

[1880]

Тургенев, И. С. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 10. Стихотворения в прозе. Литературные и житейские воспоминания. Избранные статьи и речи / И. С. Тургенев. - Москва : Гос. изд-во художественной литературы, 1962. - 344 с. - (Библиотека классиков русской литературы). - Текст : непосредственный.

В людях

<...> Это были поэмы Пушкина. Я прочитал их все сразу, охваченный тем жадным чувством, которое испытываешь, попадая в невиданно красивое место, — всегда стремишься оболгать его сразу. Так бывает после того, когда долго ходишь по моховым кочкам болотистого леса и неожиданно развернется перед тобою сухая поляна, вся в цветах и солнце. Минуту смотришь на нее очарованный, а потом счастливо обежишь всю, и каждое прикосновение ноги к мягким травам плодородной земли тихо радуется.

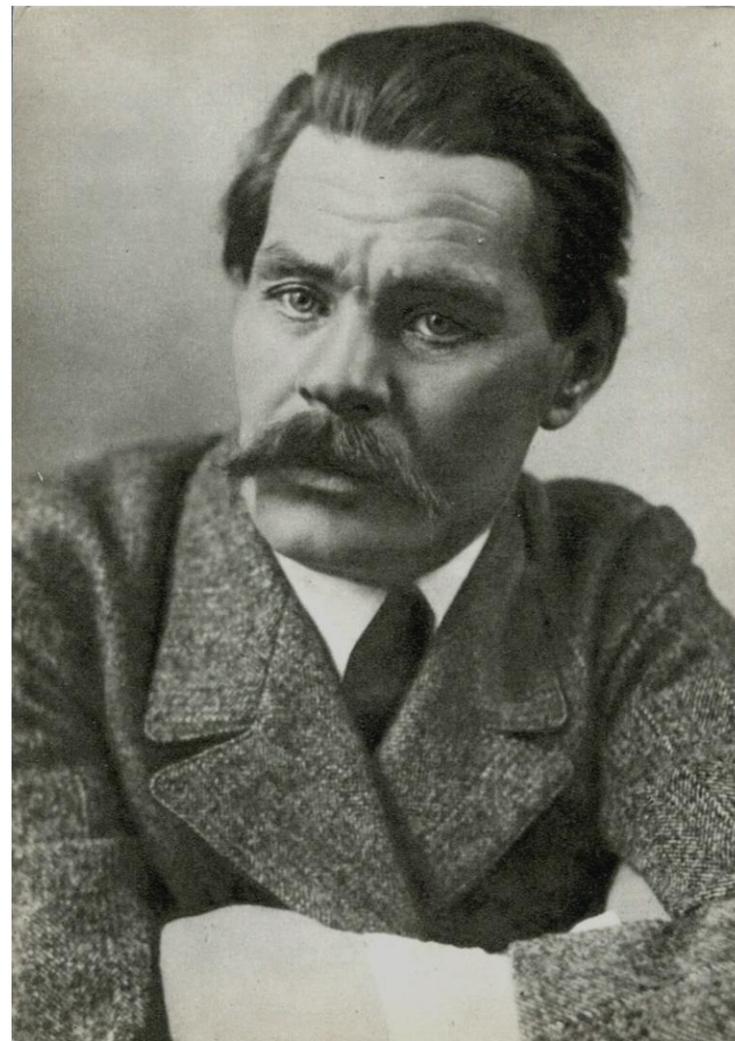
Пушкин до того удивил меня простотой и музыкой стиха, что долгое время проза казалась мне неестественной и читать ее было неловко. Пролог к «Руслану» напоминал мне лучшие сказки бабушки, чудесно сжав их в одну, а некоторые строки изумляли меня своей чеканной правдой.

*Там, на неведомых дорожках,
Следы невиданных зверей,*

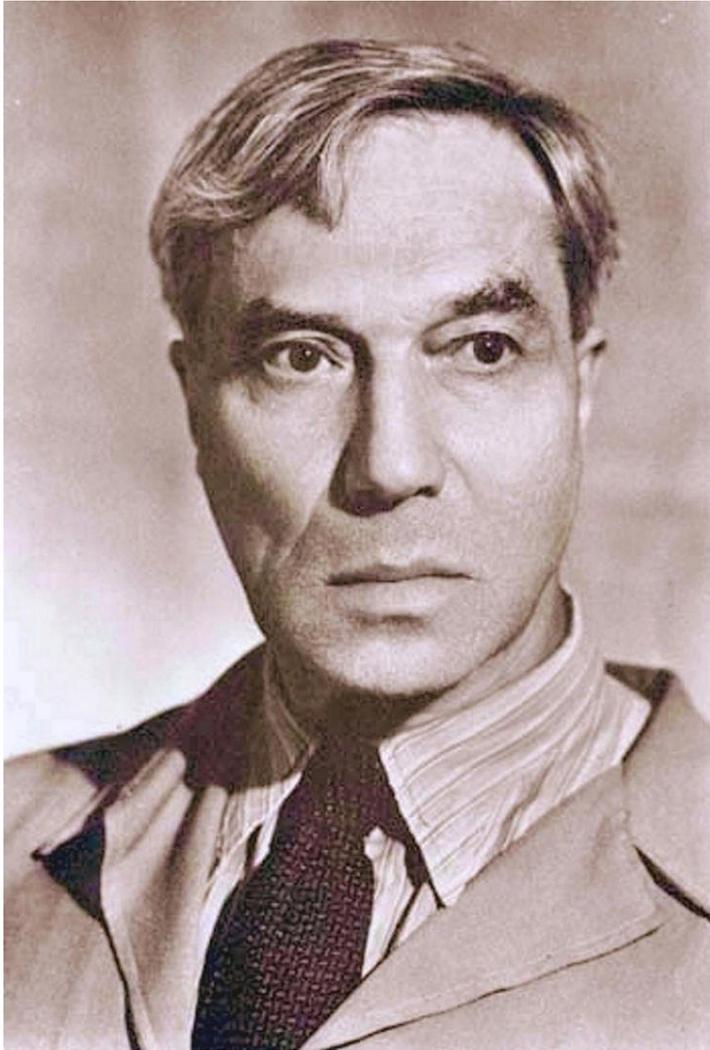
— мысленно повторял я чудесные строки и видел эти, очень знакомые мне, едва заметные тропы, видел таинственные следы, которыми примята трава, еще не стряхнувшая капель росы, тяжелых, как ртуть. Полнозвучные строки стихов запоминались удивительно легко, украшая празднично всё, о чем говорили они; это делало меня счастливым, жизнь мою — легкой и приятной, стихи звучали, как благовест новой жизни. Какое это счастье — быть грамотным! <...>

[1914]

Горький, М. В людях / М. Горький. - Текст : непосредственный // Венок Пушкину : [сборник]. - 2-е изд., испр. и доп. - Москва : Советская Россия, 1987. - С. 117-118.

Максим
ГОРЬКИЙ

Борис Леонидович
ПАСТЕРНАК

Тема

Скала и шторм. Скала и плащ и шляпа.
Скала и — Пушкин. Тот, кто и сейчас,
Закрыв глаза, стоит и видит в сфинксе
Не нашу дичь: не домыслы в тупик
Поставленного грека, не загадку,
Но предка: плоскогубого хамита,
Как оспу, перенесшего пески,
Изрытого, как оспою, пустыней,
И больше ничего. Скала и шторм.

В осатаненьи льющееся пиво
С усов обрывов, мысов, скал и кос,
Мелей и миль. И гул, и полыханье
Окаченной луной, как из лохани,
Пучины. Шум и чад и шторм взасос.
Светло как днем. Их озаряет пена.
От этой точки глаз нельзя отвлечь.
Прибой на сфинкса не жалеет свеч
И заменяет свежими мгновенно.

Скала и шторм. Скала и плащ и шляпа.
На сфинксовых губах — соленый вкус
Туманностей. Песок кругом заляпан
Сырыми поцелуями медуз.

Он чешуи не знает на сиренах,
И может ли поверить в рыбий хвост
Тот, кто хоть раз с их чашечек коленных
Пил бившийся как об лед отблеск звезд?

Скала и шторм и — скрытый ото всех
Нескромных — самый странный, самый тихий,
Играющий с эпохи Псамметиха
Углами скул пустыни детский смех...

[1918]

О назначении поэта

Наша память хранит с малолетства веселое имя: Пушкин. Это имя, этот звук наполняет собою многие дни нашей жизни. Сумрачные имена императоров, полководцев, изобретателей орудий убийства, мучителей и мучеников жизни. И рядом с ними - это легкое имя: Пушкин.

Пушкин так легко и весело умел нести свое творческое бремя, несмотря на то, что роль поэта - не легкая и не веселая; она трагическая; Пушкин вел свою роль широким, уверенным и вольным движением, как большой мастер; и, однако, у нас часто сжимается сердце при мысли о Пушкине: праздничное и триумфальное шествие поэта, который не мог мешать внешнему, ибо дело его - внутреннее - культура, - это шествие слишком часто нарушалось мрачным вмешательством людей, для которых печной горшок дороже Бога.

Мы знаем Пушкина - человека, Пушкина - друга монархии, Пушкина - друга декабристов. Все это бледнеет перед одним: Пушкин - поэт. <...>

Сегодня мы чтим память величайшего русского поэта. Мне кажется уместным, сказать по этому поводу о назначении поэта и подкрепить свои слова мыслями Пушкина.

Что такое поэт? Человек, который пишет стихами? Нет, конечно. Он называется поэтом не потому, что он пишет стихами; но он пишет стихами, то есть приводит в гармонию слова и звуки, потому что он - сын гармонии, поэт.

<...> Поэт - сын гармонии; и ему дана какая-то роль в мировой культуре. Три дела возложены на него: во-первых - освободить звуки из родной безначальной стихии, в которой они пребывают; во-вторых - привести эти звуки в гармонию, дать им форму; в-третьих - внести эту гармонию во внешний мир.

Похищенные у стихии и приведенные в гармонию звуки, внесенные в мир, сами начинают творить свое дело. "Слова поэта суть уже его дела". <...>

[1921]

Блок, А. А. Собрание сочинений в восьми томах. Т.6. Проза 1918-1921 / А. А. Блок – Москва ; Ленинград : Гос. изд-во художественной литературы, 1962. – 556 с. - Текст : непосредственный.

Александр Александрович
БЛОК

Анатолий Васильевич
ЛУНАЧАРСКИЙ

Александр Сергеевич Пушкин

<...> То было ранней весной, такую ранней, когда все было покрыто туманом, талым снегом, когда в воздухе с необыкновенной силой множились и роились болезнетворные микробы, — ветреной, серой, грязноватой весной. Но те, которые пришли раньше Пушкина, не видели весеннего солнца, не слышали журчания ручьев, не оттаяли их сердца. Косны были их губы и бормотали в морозном воздухе неясные речи. А те, кто пришел после Пушкина, оказались в положении продолжателей, ибо самые—то главные слова Пушкин сказал.

<...> Пушкин был русской весной, Пушкин был русским утром, Пушкин был русским Адамом. Что сделали в Италии Данте и Петрарка, во Франции — великаны XVII века, в Германии — Лессинг, Шиллер и Гёте, — то сделал для нас Пушкин. Он много страдал, потому что был первым, хотя ведь и те, которые пришли за ним, русские «сочинители», по признаниям их, от Гоголя до Короленко, немало скорби вынесли на плечах своих. Он много страдал, потому что его чудесный, пламенный, благоуханный гений расцвел в суровой, почти зимней, почти ночной еще России, но зато имел «фору» перед всеми другими русскими писателями. Он первый пришел и по праву первого захвата овладел самыми великими сокровищами всей литературной позиции.

И овладел рукою властной, умелой и нежной; с такую полнотою, певучестью и грацией выразил основное в русской природе, в общечеловеческих чувствах, во всех почти областях внутренней жизни, что преисполняет благодарностью сердце каждого, кто впервые, учась великому и могучему русскому языку, впервые приникая к родникам священного истинного искусства, пьет из Пушкина. <...>

[1922]

Луначарский, А. В. Александр Сергеевич Пушкин / А. В. Луначарский. - Текст : непосредственный // Венок Пушкину : [сборник]. - 2-е изд., испр. и доп. - Москва : Советская Россия, 1987. - С. 130-131.

Пушкину

Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой.

Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший как туман,
О Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган.

Но эти милые забавы
Не затемнили образ твой,
И в бронзе выкованной славы
Трясешь ты гордой головой.

А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.

Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь...
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.

[1924]

Сергей Александрович
ЕСЕНИН

Игорь Васильевич
СЕВЕРЯНИН

Любовь! Россия! Солнце! Пушкин! —
Могущественные слова!..
И не от них ли на опушке
Нам распускается листва?

И молодеет не от них ли
Стареющая молодежь?
И не при них ли в душах стихли
Зло, низость, ненависть и ложь?

Да, светозарны и лазорны,
Как ты, весенняя листва,
Слова, чьи звуки чудотворны,
Величественные слова!

При звуках тех теряет даже
Свой смертоносный смысл, в дали
Веков дрожащая в предаже
Посредственная Nathalie...

При них, как перед вешним лесом,
Оправдываешь, не кляня,
И богохульный флерт с д'Антесом —
Змей Олегова коня...

[1924]

Думая о Пушкине

<...>«Какое было вообще его воздействие на вас?» Да как же это учесть, как рассказать? Когда он вошел в меня, когда я узнал и полюбил его? Но когда вошла в меня Россия? Когда я узнал и полюбил ее небо, воздух, солнце, родных, близких? Ведь он со мной — и так *особенно* — с самого начала моей жизни. Имя его я слышал с младенчества, узнал его не от учителя, не в школе: в той среде, из которой я вышел, тогда говорили о нем, повторяли его стихи постоянно. Говорили и у нас, — отец, мать, братья. И вот одно из самых ранних моих воспоминаний: медлительное, по-старинному несколько манерное, томное и ласковое чтение матушки: «У лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том...», «Не пой, красавица, при мне ты песен Грузии печальной...»

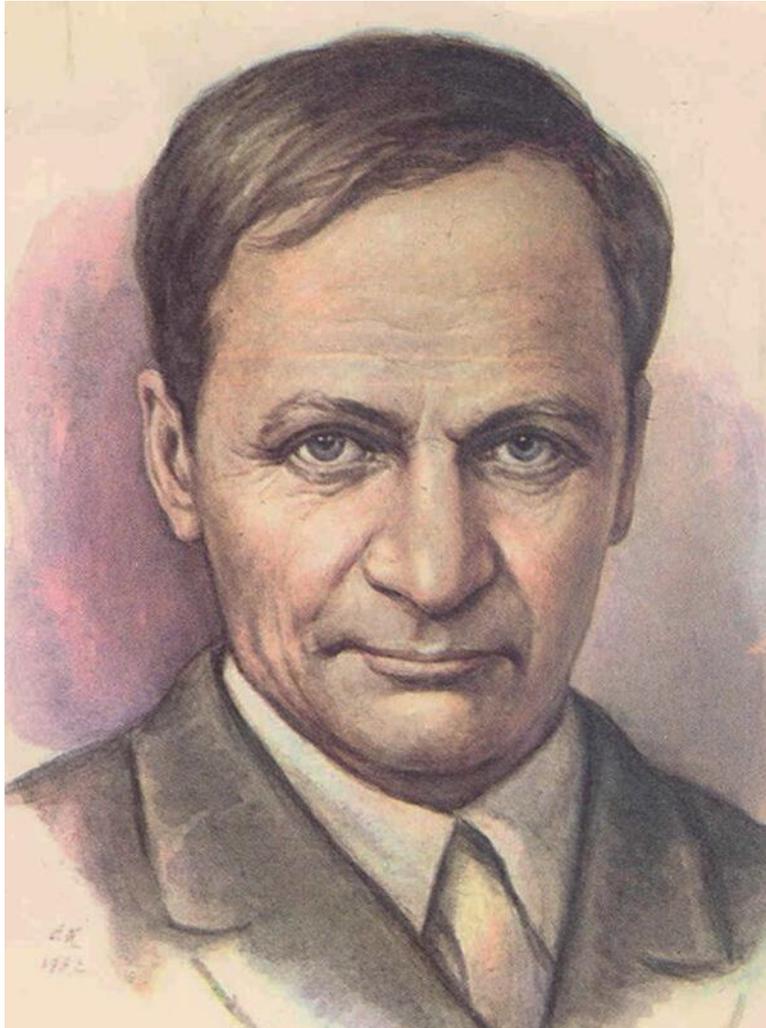
А потом — первые блаженные дни юношества, первые любовные и поэтические мечты, первые сознательные восторги от чтения тех очаровательных томиков, которые я брал ведь не из «публичной библиотеки», а из дедовских шкапов и среди которых надо всем царили — «Сочинения А. Пушкина». И вся моя молодость прошла с ним. И то он рождал во мне те или иные чувства, то я неизменно сопровождал рождавшиеся во мне чувства его стихами, больше всего его. Вот я радостно просыпаюсь в морозный день, и как же мне не повторить его стихов, когда в них как раз то, что я вижу: «Мороз и солнце, день чудесный...»<...>

[1926]

Бунин, И. А. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 9. Освобождение Толстого. О Чехове. Избранные биографические материалы, воспоминания, статьи / И. А. Бунин. - Москва : Художественная литература, 1967. - 624 с. - Текст : непосредственный.

Иван Андреевич
БУНИН

Андрей Платонович
ПЛАТОНОВ

Пушкин и Горький

<...> Как человек действительности, Пушкин понимал, что народ (в широком смысле: от Татьяны Лариной до цыган и нищих, поющих в ограде Святогорского монастыря) — народ живет особой, самостоятельной жизнью, связанный с “высшими” кругами, со “светом” лишь цепью своей неволи. Народ обладает своими скрытыми, “секретными” средствами для питания собственной души и для спасения жизни от истребления “высшими” людьми. <...> В народе своя политика, своя поэзия, свое утешение и свое большое горе; все эти свойства в народе более истинные и органические, чем в паразитических классах, — просто потому, что трудящиеся люди имеют действительный, реальный и притом массовый опыт работы, нужды и борьбы со злодейским классом своих эксплуататоров. В “высшем” классе этот опыт почти сведен к нулю, и поэтому там не может иметь места реальная истина жизни — ее там не зарабатывают, а проживают и делают бессмысленной. Но великая поэзия и жизненное развитие человека, как средство преодоления исторической судьбы и как счастье существования, могут питаться лишь из источников действительности, из практики тесного, трудного ощущения мира, — в этом и есть разгадка народного происхождения истинного искусства. Пушкин не только понимал это обстоятельство, он сам жил, не отводя ума и сердца от действительности, сама натура его была лишь наиболее экономным и энергичным выражением души нашего народа.<...>

Пушкин сознавал и свою ответственность перед народом и, так сказать, заимообразность, зависимость своего поэтического дара от общей жизни России, от родины, понимаемой органически. Он, Пушкин, явился ведь не от изобилия, не от избытка сил народа, а от его нужды, из крайней необходимости, почти как самозащита или как жертва. В этом заключается причина особой многозначительности, универсальности Пушкина и крайне напряженный и в то же время торжественный, свободный характер его творчества. <...>

[1937]

Платонов, А. П. Цветок на земле : Повести, рассказы, сказки, статьи / А. П. Платонов. - Москва : Молодая гвардия, 1983. — 416 с. - Текст : непосредственный.

К портрету Пушкина

Земля, рождавшая когда-то
Богатырей в глухом селе,
Земля, которая богата
Всем, что бывает на земле;

Земля, хранившая веками
Заветы вольности лихой,
Земля, что столькими сынами
Горда передо всей землей;

Земля, где дружба всех наречий
Так нерушима и тепла,
Где правда жизни человеческой
Впервые на землю пришла;

Земля, где песни так живучи,
Где их слагает и поёт
Сам неподкупный, сам могучий,
Сам первый песенник - народ, -

Земля такая не могла ведь,
Восстав из долгой тьмы времён,
Родить и ныне гордо славить
Поэта меньшего, чем он...

[1937]

Твардовский, А. Т. Собрание сочинений в шести томах. Т. 1. Стихотворения (1926-1940). Страна Муравия : поэма. Переводы / А. Т. Твардовский - Москва : Художественная литература, 1976. - 432 с. - Текст : непосредственный.

Александр Трифонович
ТВАРДОВСКИЙ

Вера Михайловна
ИНБЕР

Пушкин жив

От бомбы дрогнули в огне
Стропила мирной комнатушки,
А человек стоял в окне,
А человек взывал: «Ко мне!
Тут книги у меня. Тут Пушкин!»

Ему кричали: «Выходи!»
Но книг оставить не хотел он.
И крепко прижимал к груди
Он томик полубогорельный.

Когда ж произошёл обвал
И рухнул человек при этом,
То и тогда он прижимал
К груди создание поэта.

В больнице долго он без сил
Лежал как мёртвый, на подушке.
И первое, что он спросил,
Придя в сознание: «А Пушкин?»

И голос друга, поспешив,
Ему ответил: «Пушкин жив».

1943

Наука и искусство

... Можно заметить и признаки грядущей эпохи реализма, то есть синтеза наших творческих способностей: чувства, разума и воли в деле преобразования мира. Изредка появляются как поэтические, так и научные произведения, которые вдруг сбивают людей с проторенного пути.

Все такие творения имеют одну общую черту схождения поэтической мысли с научной посредством чего-то, лежащего в нас глубже того и другого.

Такого рода творения похожи на реку, берега которой сложены волей разума, а самое движение воды первопричин предоставлено сердцу. <...>

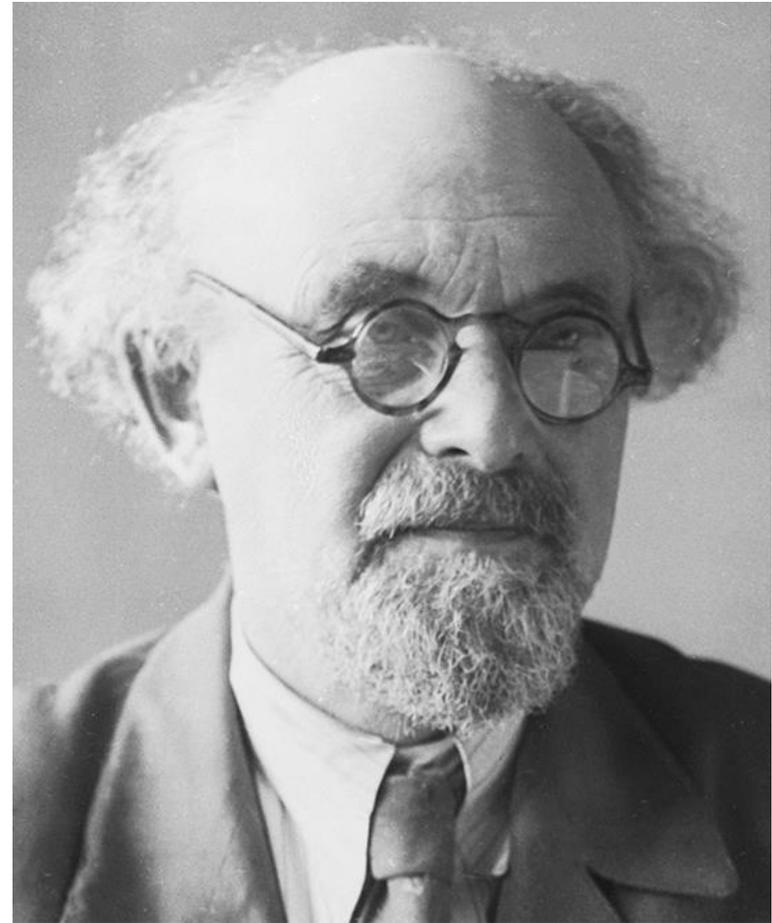
Бывает, весенняя вода прорвет плотину, смост мостки, и останутся от всех мостков одни колышки, и они-то бывают мерой того, как глубоко когда-то стояла вода. Так и памятник Пушкину остается мерой, до какой высоты может доходить полнота человеческой жизни...

Бывает, весенняя вода, спадая, оставляет на лугу льдинки, указывающие на то, как далеко разлилась вода. Так и памятник Пушкину указывает нам высший предел разлива нашей души. А мы смотрим, и надеемся, и ждем, что придет новый Пушкин и установит нам новую даль.

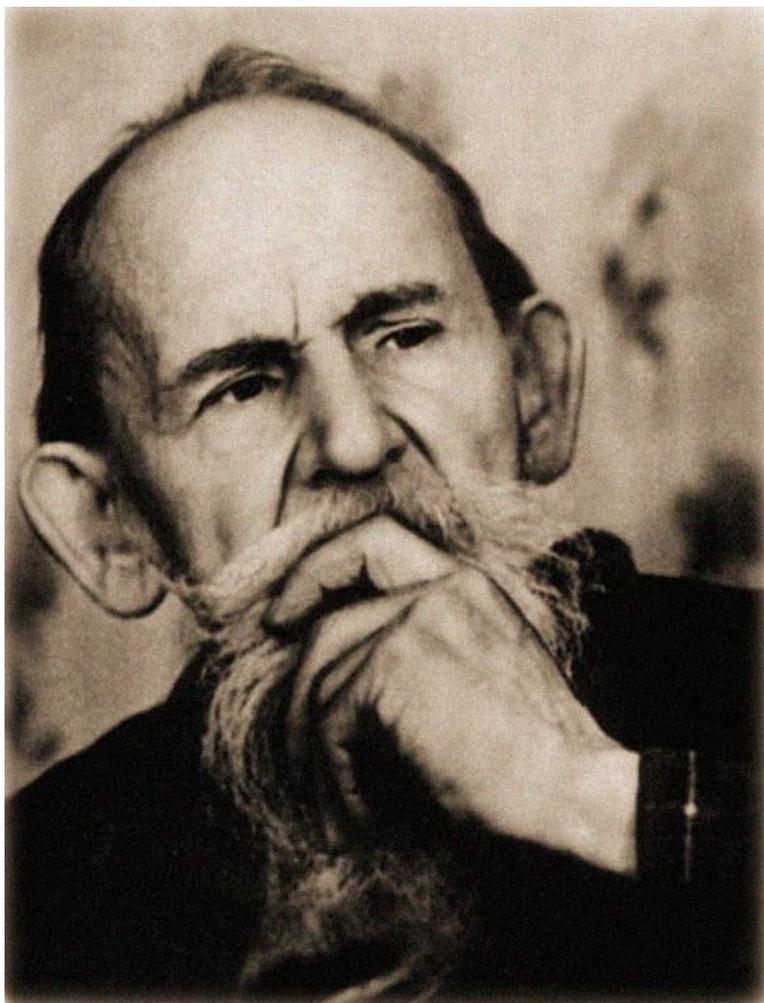
Памятник Пушкину ставится не самому Пушкину: какое дело Пушкину до своих памятников! Он становится только для общества, как мера разлива души человеческой. <...>

[1954]

Пришвин, М. М. Незабудки / М. М. Пришвин. - Москва : Художественная литература, 1969. - 304 с. - Текст : непосредственный.

Михаил Михайлович
ПРИШВИН

Борис Викторович
ШЕРГИН

Пинежский Пушкин

...Он певец был, песенной наблюдатель, книгам сказатель, грамоты писатель. Землю, как цветами, стихами украсил.

<...> Не бывало от сотворенья, чтобы так многолюдны книги в такой короткой век кто сложил. Век короткой, да разум быстрой: годы молоды, да ум тысячелетен. Пенье безмолчно – стихам нет конца.

У другого человека ум никуда не ходит, на спокойе стоит. У Пушкина как стрела, как птица ум-от.

Что люди помыслят, он то делом сотворит. В его стихах как ветер столь ли быстрой. Вот так птица! Поёт, забудет – ел ли, пил ли...

И настолько он хитрой прикладывает слово-то к слову! Слово-то выговáривашь одно-то, друго-то ведь надо взять скоро... Пушкин говорил как с полки брал; и всё разнó сказывал. Век не придумать никому, как он придумывал.

Пушкин нов чин завёл в стихах. Сердцем весел, не хотел над стáрыма остатками. Сам повёл, никого не спросился. Сел выше всех, думу сдумал крепче всех. В еговых словах не заблудиссе. Кабыть в росстил лежит. Всё-то видишь, всё-то понятно: выговаривать-то не спуташь. Сколь письмо егово до людей дохоже! Старых утешáт, молодых забавля́т, малых учит...

<...> У других писателей колосина, и мякина, и зерно – в одно место, у Пушкина – хлеб чистой.

<...> Пушкин поминал:

– Буду сказывать, дак вы забудете. Я в книгу свой ум спишу.

Он многих людей в грамоту завёл. В каждом доме Пушкин сердце всем веселит речью своей и письмом.

Егово письмо как вешна вода. Его стихам нет конца. Сотворена река, она все течёт – как Пушкин. Землю он посетил да напоил. Что на свете есть, у него всё поётся.

Пушкин с ласковым словом приходил. Он как летний ветер, хоть и б́ухат, да тёплой...

Сын дню, дитя свету, Пушкин малыми днями велико море перешёл. Ему уж не будет перемены.

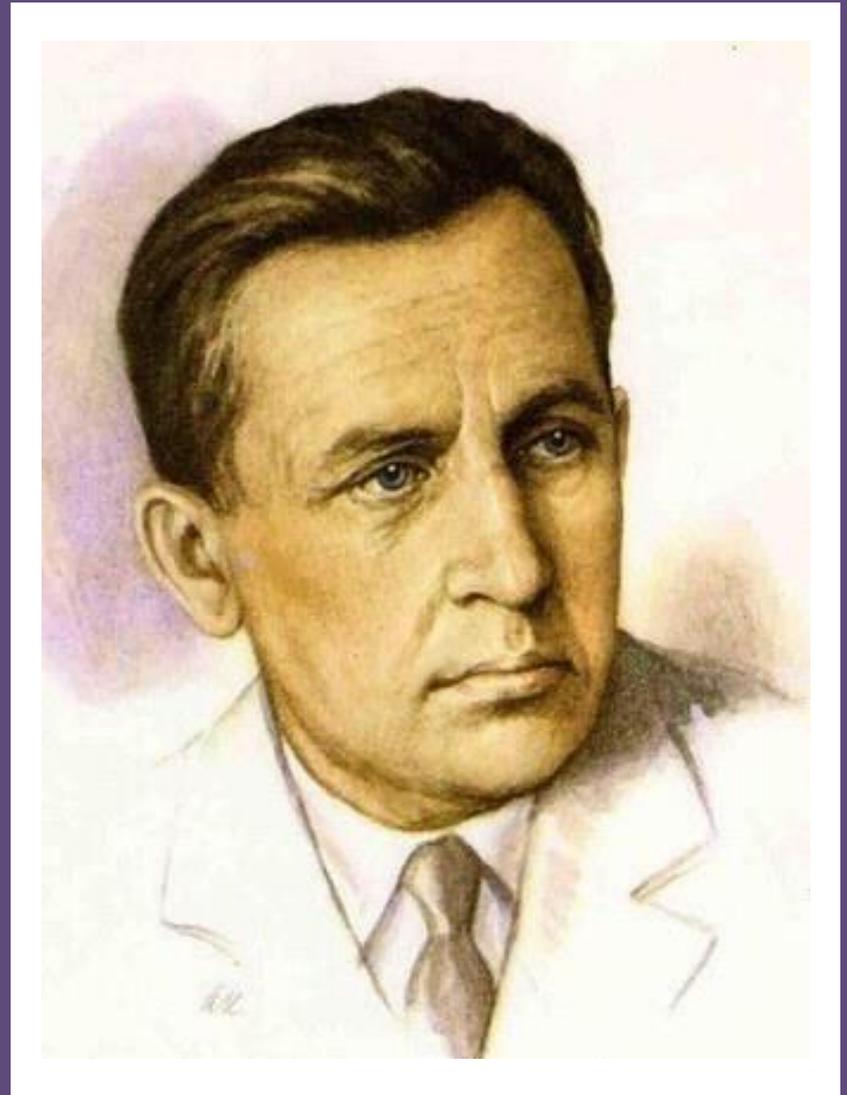
[1959]

Стихи, написанные в псковской гостинице

С тех самых пор, как был допущен
в ряды словесности самой,
я все мечтал к тебе, как Пущин,
приехать утром и зимой.
И по дороге возле Пскова,—
чтоб все, как было, повторить,—
мне так хотелось ночью снова
тебе шампанского купить.
И чтоб опять на самом деле,
пока окрестность глухо спит,
полозья бешено скрипели
и снег стучал из-под копыт.
Все получилось по-иному:
день щебетал, жужжал и цвел,
когда я к пушкинскому дому
нетерпеливо подошел.
Но из-под той заветной крыши
на то крылечко без перил
ты сам не выбежал, не вышел
и даже дверь не отворил.
...И, сидя над своей страницей,
я понял снова и опять,
что жизнь не может повториться,
ее не надо повторять.
А надо лишь с благоговеньем,
чтоб дальше действовать и быть,
те отошедшие виденья
в душе и памяти хранить.

[1967]

Смеляков, Я. В. Стихи, написанные в псковской гостинице / Я. В. Смеляков. - Текст :
непосредственный // Светлое имя Пушкин : Проза, стихи, пьесы о поэте / сост. В. В.
Кунин. - Москва : Правда, 1988. - С. 283-284.

Ярослав Васильевич
СМЕЛЯКОВ

Андрей Дмитриевич
ДЕМЕНТЬЕВ

А мне приснился сон

А мне приснился сон,
Что Пушкин был спасён...

Под дуло пистолета,
Не опуская глаз,
Шагнул вперёд Данзас
И заслонил поэта.
И слышал только лес,
Что говорил он другу...

И опускает руку
Несбывшийся Дантес.

К несчастью, пленник чести
Так поступить не смел.
Остался он на месте,
И выстрел прогремел.

А мне приснился сон,
Что Пушкин был спасён...

[1976]

«Я числюсь по России»

<...> Кто такой Пушкин во всем его разнообразии? Реалист? Романтик? Лирик? Исторический писатель? Сказочник и фольклорист? Критик и литературовед? Просветитель? Бытописатель и социолог? Он – все это и еще многое другое, но все это - поэзия. В то же время здесь не тот случай, когда, начитавшись поэзии, получив о ней те или иные представления, мы, руководствуясь этими представлениями, судим об отдельном поэте, здесь наоборот – мы по Пушкину судим о том, что такое поэзия. И если в творчество Пушкина включены и лирика, и история, и сказка, и публицистика, значит, все это свойственно поэзии.

И опять-таки может быть, что поэзия со времен Пушкина включила в поле своего зрения и своей деятельности что-то еще и еще, но то, что включил в поэзию Пушкин, осталось в ней навсегда. Ничего там не оказалось лишнего, временного, преходящего. Ничего, что оказалось бы ненужным или хотя бы безразличным народу, которому он принадлежал, от которого исходил.

Пушкин еще и потому не только Поэт, но и Поэзия, что он смог выразить духовный потенциал нации, русского общества своего времени.

«Я числюсь по России...»

Народ, создавая духовные ценности и произведения искусства, обладая различными стилями, в то же время никогда не заботится о том, какое направление искусства он создает, какой «изм» поддерживает, а какой отрицает. Он осознает свое творчество как поэзию, а поэзию – как необходимое условие своего бытия. И вот всякого рода направления приходят и уходят, а народное творчество остается и развивается, если уж не как выражение сегодняшнего существования народа, то, по крайней мере, как поэтическая легенда о самом себе, которую нельзя не сохранить.

Вот и Пушкин; единственная условность его творчества – это условность самой поэзии как целостного явления, а больше ничего – никакие частные направления его как будто бы не касались совершенно.
<...>

[1979]

Залыгин, С. П. Собеседования / С. П. Залыгин - Москва : Молодая гвардия, 1982. - 288 с. - (Писатель - молодежь - жизнь). - Текст : непосредственный.

Сергей Павлович
ЗАЛЫГИН

Выставка подготовлена
библиотекой ППК СГТУ
имени Гагарина Ю.А.

В работе использованы книги
из фонда библиотеки

Адрес: Сакко и Ванцетти, 15, каб. 2204
Тел.: (8452) 23-51-25 (доб. 228)
E-mail: library_ppk@mail.ru

